

1. Шартрская школа

земаемой «корнифицианской» партии. Этим фантастическим именем Иоанн Солсберийский называл всех тех, кто под различными предлогами, но на самом деле по сугубо практическим соображениям требовал облегчения учебных программ. Этим сторонникам, как мы бы теперь сказали, «современного образования» магистр Гильберт советовал прямо идти в коммерцию: «Он имел привычку, когда видел их спешащими на занятия, советовать им избрать ремесло булочника. Он говорил, что в его стране оно единственное, которым занимаются все не имеющие другой профессии или другой работы. Оно очень несложно и необходимо всем и особенно подходит людям, которые больше стремятся к наживе, чем к образованию».

Наряду с Абеляром, Гильберт Порретанский — самый мощный философский ум XII столетия, и если Абеляр был особенно силен в логике, то Гильберт далеко превзошел его как метафизик. Можно лишь сожалеть о туманности его стиля, который нередко отражает и запутанность мысли, но над тем, что он говорит, стоит задуматься, так как поставленные им проблемы сохраняют свое значение до сих пор. В средневековье ему по традиции приписывался трактат «О шести началах» («De sex principiis»), или «Книга шести начал» («Liber sex principiorum»). Этот трактат был включен в программу факультета искусств и комментировался — в частности, Альбертом Великим — в одном ряду с произведениями Аристотеля и Боэция; комментаторы будут обращаться к нему вплоть до XV века, а гуманист Ермолай Варвар (Hermolaus Barbarus) даже возьмет на себя труд улучшить его латынь*. Каждый студент-философ сталкивался с ним по крайней мере один раз, читая о «perfectihabies»** в 48-м параграфе «Монадологии» Лейбница.

«О шести началах» — это метафизическая интерпретация логического трактата Аристотеля «Категории». Известно, что этим термином Аристотель обозначал все виды возможных высказываний об одном и том же Предмете; он различал десять категорий: суб-

станция, количество, качество, отношение, место, время, положение, обладание (habitus, или «ауапсе», как говорили в XVII веке), действие, страдание. Легко видеть, что, эквивалентные между собой с точки зрения логика, эти категории неэквивалентны с точки зрения метафизика: субстанция — совсем не то же самое, что место или время. Гильберт продвинул свое исследование значительно дальше. Разделив десять категорий на две группы, в одну из них он включил субстанцию, количество, качество и отношение, а в другую — шесть остальных категорий (sex principia): место, время, положение, обладание, действие и страдание. В соответствии с тезисом о реальном существовании универсалий, сторонником которого, как мы увидим, он был, Гильберт дает всем категориям имя «форма»; первую группу из четырех категорий он рассматривает как «внутренние формы» («formae inherentes»), а вторую группу из шести категорий — как «вспомогательные формы» («formae assistentes»). Уместно отметить, как это сделал Орео, что Абеляр также называет категории места и времени «дополнительными началами» («principia adjacentia»), но он, в отличие от Гильберта, не ставит эту проблему в комплексе, и к тому же хронология его произведений точно не известна***.

Это было важное различие, и, по крайней мере в одном пункте, оно должно было стать исходной точкой для дальнейших исследований. Внутренними формами Гильберт называет формы, или начала, которые либо сами являются субстанцией, либо внутренне